

О НОВЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ РАЗВИТИЯ ВОЕННОЙ НАУКИ В США

Рачья Арзуманян^{}, Сергей Гриняев^{**}*

По нашим оценкам, ситуация в военной науке США сегодня остается неоднозначной. Эксперты отмечают, что на протяжении последних десяти лет несколько раз менялись приоритеты, что связано как с опережающим изменением геополитической и геоэкономической ситуации в мире, так и с особенностями научно-технического прогресса в последние годы.

Анализ показывает, что к 2005-2007гг. в американской военной науке целом закончилось формирование теоретического базиса *«революции в военном деле»* (РВД) – направления военной политики, инициированной в конце 80-х и начале 90-х годов XX века. РВД была призвана привести военную организацию США в соответствие с качественно изменяющимся миром. Она охватывала все уровни военного управления: военно-политический, стратегический, оперативно-тактический. Это позволило говорить о становлении *новой формы войны*.

Основными факторами, способствовавшими развитию направления, стали:

- качественные изменения в обществе, которые в известных работах Э.Тоффлера¹ получили название «Третья волна»;

^{*} К.т.н., политолог, эксперт по проблемам военной и национальной безопасности, НКР.

^{**} Д.т.н., генеральный директор Центра стратегических оценок и прогнозов, Москва, РФ.

¹ Философ-футуролог, чьи работы оказали серьезное влияние на развитие военной науки в 90-х годах XX века.

- информационная революция, глобализация, появление новой реальности – Сети, и формирование двух новых «пространств войны»: информационного и когнитивного.

Отдельно следует указать на фактор, связанный с желанием американских стратегов получить некую концептуальную основу, способную на равных конкурировать с наработками, полученными советской военной школой в рамках реформы Военно-морского флота СССР, начатой адмиралом Горшковым, теоретический базис и практическая реализация которой были инициированы еще в 70-е годы XX века.

Результатом развития теоретического базиса РВД стало появление *теории сетецентричных войн и концепции сетецентричных операций*. Проводником теории в военно-политических кругах стал американский адмирал Сибровски.

Приоритеты и вклад советской военной науки в становление концепции «революции в военном деле» (а затем и теории сетецентричности) западными военными кругами не отрицаются.

Практическая апробация, проведенная во время операций «Буря в пустыне», «Свобода Ираку», других военных кампаний, продемонстрировала качественное повышение боеспособности вооруженных сил в широкомасштабных военных конфликтах на активном этапе их развития.

На сегодняшний день теоретическую базу сетецентричных операций можно считать оформленной и завершенной. Проводимые исследования, а также ежегодные конференции касаются в основном прикладных и практических аспектов, связанных с внедрением и усовершенствованием новых систем оружия, опирающихся на концепцию сетецентричности.

Среди прочих стран, внедрению сетецентричных концепций уделяет большое внимание Индия. Именно Индия сегодня наиболее актив-

но продвигается по пути внедрения наработок в практику военного строительства. Особо «продвинутыми» в вопросах внедрения сетечен-тричности в практику строительства вооруженных сил сегодня являются вооруженные силы Великобритании и Австралии. Активен Китай. Проблемы с адаптацией есть у Франции и Германии, у которых свои «континентальные» традиции и стратегическая школа и которые с трудом воспринимают «атлантические» принципы военной стратегии.

Применение вооруженных сил в качественно изменившейся среде безопасности, а также проведенный анализ эффективности боевого применения новых наработок в области военного искусства показал *настоятельную необходимость межведомственной координации усилий государственных структур, принимающих участие в планировании и проведении военных операций*. Понимание необходимости «оркестрирования» всех элементов национальной мощи подвигло американскую военную науку на решение задачи создания общего системного базиса для межведомственного взаимодействия.

Концепция *подхода, базирующегося на достижение эффектов*, стала откликом на вызовы такого рода. Однако ее реализация столкнулась как с субъективными, так и объективными ограничениями.

К первым следует отнести чрезмерно высокий уровень необходимой подготовки и жесткие требования, которые предъявлялись ко всему командному составу, – существовавший уровень подготовки (в особенности младшего командного состава) не соответствовал требованиям, предъявляемым новыми концепциями. Ко вторым ограничениям относятся рамки и проблемы соподчинения, накладываемые на сферу национальной безопасности военной и политической культурой США.

Подход в решении проблем межведомственного взаимодействия, предлагаемый военными кругами, был свернут. Командование Объединенными силами (*JFCOM*), решающее, в том числе, задачу коорди-

нации усилий между различными родами войск и служб, 4 августа 2011г. было расформировано. В целом, развитие данного направления исследований в предлагаемом ключе в военно-политической и стратегических сферах было жестко прервано. В качестве объяснений приводились результаты военных кампаний в Афганистане и Ираке, провалы в которых имели, в первую очередь, политическую природу, а также указывалось на необходимость бюджетных сокращений.

Такой поворот, который пришелся на смену администрации Белого дома, мог быть следствием «клановой борьбы» в высшем генералитете Пентагона. В результате, многие многолетние наработки были ликвидированы, что в целом негативно отразилось на состоянии американской военной науки и отбросило ее в развитии на несколько лет назад.

Следующим и логичным шагом стал *перенос центра межведомственной активности планирования применения силы в Государственный департамент США*.

В декабре 2010г. был опубликован первый «Четырехлетний обзор дипломатии и развития» (*Quadrennial Diplomacy and Development Review (QDDR)*), являющийся аналогом «Четырехлетнего обзора обороны» (*Quadrennial Defense Review (QDR)*).

В ноябре 2011г. были созданы новые организационные структуры «Бюро конфликтов и операции по стабилизации военно-политической обстановки в стране» (*Bureau of Conflict and Stabilization Operations (CSO)*), а в январе 2012г. – «Бюро контртерроризма» (*Bureau of Counterterrorism*). Новые структуры призваны взять на себя часть активности, которая ранее проводилась Пентагоном.

Волонтаристское прерывание в 2007г. реформ, логично выстраиваемых на протяжении десятилетия в рамках РВД, привело к доминированию контрповстанческих операций (*Counterinsurgency Operations, КПО*) в качестве главного направления развития военной науки США

(возобладало «вьетнамское наследие»). Некоторое влияние здесь имели и оценки российского опыта противоборства с НВФ на Северном Кавказе, а также определенные неудачи американской армии в Афганистане и Ираке.

В указанные годы появилось большое количество литературы, результатов исследований, аккумулирующих на протяжении многих десятилетий опыт развития КПО в рамках западного видения войны. Однако довольно быстро, уже к концу 2009г., сформировалось видение, что КПО являются лишь тактической концепцией, а ее использование в качестве широкого базиса привело к размыванию стратегических и военно-политических аспектов противоборства и неизбежным провалам.

Понимание ограничений КПО уже в начале 2010г. приводит к возвращению исследований, относящихся к оперативному искусству, которые ранее считались неактуальными. Появились исследования, ставящие целью учет на оперативном уровне изменений, происходящих в среде безопасности, и поддерживающие новый взгляд на проведение операций – например, концепция *сложной операции*.

Интересы и точка зрения военного ведомства в новых условиях на данном направлении, помимо старых мозговых центров (*RAND, SSI, CSIS, Chatam House* и др.), разрабатываются в нескольких новых центрах, созданных для развития новых военно-стратегических концепций. Среди таких центров по активности и качеству работ наиболее выделяются:

Центр исследования межведомственной кооперации им. полковника Артура Саймонса (The Col. Arthur D. Simons Center for the Study of Interagency Cooperation), который призван решать проблемы межведомственного взаимодействия на тактическом и операционном уровнях. Центр финансируется и находится под непосредственным руководством Командно-штабного колледжа армии США (*U.S. Army Com-*

mand and General Staff College) и должен обобщать опыт, приобретенный США при проведении контрповстанческих операций и операций по стабилизации военно-политической обстановки в стране. Центр начал функционировать 21 апреля 2010г. и находится в форте Ливенворт (*Fort Leavenworth*). Им начато издание новой серии «Межведомственные публикации» (*The InterAgency Paper (IAP)*), призванной охватить межведомственные аспекты национальной безопасности в целом, а также в миссиях, являющихся приоритетными для Центра. Интернет-сайт Центра: <http://thesimonscenter.org/>.

Центр сложных операций (CenterforComplexOperations (CCO)). Центр создан в рамках Минобороны США в 2008г. по мандату Конгресса. С января 2009г. находится в составе Университета национальной обороны (*National Defense University*). Помимо исследований и учебных программ в области межведомственного взаимодействия, Центр занимается гражданско-военными операциями (*civil-military operations*), целостным подходом к государственному строительству (*whole-of-government approach*), иррегулярными войнами и прочими видами активности, в которых возникает проблема взаимодействия вооруженных сил с гражданским сектором.

Центр издает журнал «*PRISM*» для широкого круга читателей, так или иначе занимающихся проблемой проведения сложных операций, интегрирующих все элементы национальной мощи. Интернет-сайт журнала: <http://ccoportal.org/publications/prism>. Интернет-сайт Центра: <http://ccoportal.org/>.

Осознание к 2010г. наличия проблем на уровнях стратегии, большой стратегии и геостратегии привело к всплеску стратегических исследований. Количество литературы ведущих мозговых центров, посвященной осмыслению приобретенного за последние десятилетия опыта в терминах и понятиях стратегии, исчисляется сотнями в год.

Важным событием можно считать появление нового (но уже влиятельного) электронного журнала «*InfinityJournal*», целиком посвященного вопросам стратегии. Журнал рассматривает стратегию в терминах использования инструментов национальной мощи для обеспечения политических целей и задач государства, уделяя основное внимание применению военной мощи. Интернет-сайт журнала: <http://www.infinityjournal.com/>.

Оценка развивающихся в США военно-стратегических концепций позволяет сделать вывод о том, что в долгосрочной перспективе в качестве одного из основных направлений развития военной науки станет развитие теоретического базиса операционной среды *иррегулярных войн*, который позволил бы осмыслить опыт, приобретенный в военных кампаниях последнего десятилетия на тактическом, оперативном и стратегическом уровнях войны. В рамках данного направления сегодня предпринимается попытка осмыслить, каким может быть отклик на вызовы *гибридных войн*, необходимость военного противоборства с негосударственными акторами и пр. Также продолжается активное развитие *концепций по применению сил специального назначения* на всех уровнях войны. Именно на данный род войск предполагается возложить основную нагрузку по военному противодействию иррегулярному противнику.

Следует отметить также и особые усилия по разработке теоретического базиса боевого применения беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), роботизированных и роевых систем. Теоретические исследования по данному направлению продолжаются уже свыше десяти лет. Однако технологические прорывы последнего времени, сделавшие возможным появления БПЛА и универсальных роботов, выполняющих роль ударных комплексов, потребовали незамедлительного теоретического осмысления.

Широкое и уже обыденное применение БПЛА и роботизированных систем привело к появлению целого комплекса не только военных, но и правовых, политических и иных проблем. Военная наука оказалась перед необходимостью в ограниченные сроки дать ответ на целый ряд вопросов: относятся ли происходящие изменения к тактическому или стратегическим уровню войны, или необходимо говорить о новой форме войны и даже изменениях в природе войны? Где проходит грань между войной и целенаправленным уничтожением лидеров повстанцев в результате спецоперации? Вокруг этих вопросов в настоящее время развернулись серьезные дискуссии не только в кругах военных теоретиков, но и в политической элите и среди представителей западной культуры в целом.

Другим важным направлением междисциплинарных исследований является сегодня развитие военных аспектов применения концепции «*Ответственность за защиту*» (*responsibility-to-protect (R2P)*) на военно-стратегическом и военно-политическом уровнях войны.

Будучи изначально теорией права, затрагивающей проблему суверенитета в XXI веке, *R2P* в последние годы оформилась в качестве влиятельной концепции в рамках теории международных отношений.

В последние годы можно наблюдать появление работ, исследующих уже и военные аспекты данной концепции. Концепция вызывает бурные дебаты и дискуссии в военном сообществе. Традиционные военные круги в США выступают против столь широкой трактовки возможностей применения военной силы, которая предусматривается в рамках *R2P*. Концепция служила теоретическим обоснованием применения вооруженной силы НАТО в Ливии.

В целом, следует отметить достаточно бурное развитие концепций и теорий в американской военной науке, призванных обеспечить эффективное решение задач, которые ставятся (или будут поставлены) пе-

ред военными со стороны военно-политического руководства страны.

Важным является тот факт, что *большинство из существующих концепций развивается в направлении минимизации использования военной силы*, влекущей неоправданные разрушения и жертвы среди мирного населения. В качестве иллюстрации можно указать на то, что *в новых разработках не нашлось места стратегическим ядерным силам и иному оружию массового уничтожения*. Приоритетными направлениями являются способы применения ограниченных по численности, хорошо вооруженных и высококомобильных групп спецназа, а также использование иных инструментов государственной мощи, таких, например, как информационное и экономическое противоборство и др.

Существенную проблему для эффективного использования разработок в военной сфере представляет увеличивающийся разрыв в восприятии стратегических концепций между разными государствами, союзными США (по блоку НАТО и вне него). Сегодня наиболее интегрированными оказываются англосаксонские государства, иные государства все больше отстают по уровню восприятия разработок. Это может стать одним из важных факторов, стимулирующим трансформационные процессы внутри блока НАТО, а также привести к появлению иных конфигураций в международной военной среде.

Октябрь, 2012г.

ON NEW DIRECTIONS IN THE DEVELOPMENT OF THE MILITARY SCIENCE IN U.S.

Hrachya Arzumanyan, Sergei Grinyaev

Resume

By our estimations the situation in the U.S. military science remains ambiguous today. The experts mention that over the last ten years the priorities changed for several times and this have been connected with both advancing alternations in the geopolitical and geoeconomic situation and the peculiarities of the scientific and technical progress in recent years.

Analysis shows that by 2005-2007 the formation of the theoretical grounds of “revolution in the military science” – the direction of military policy initiated in the late 80s and early 90s of the 20th century – had been over. This “revolution in the military science” was designed to bring into compliance the military organization of the United States with qualitatively changing world. It embraced all the levels of military operation: military-political, strategic, and operational-tactical. This allowed speaking about the formation of a *new form of war*.